

О РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ ОРЕНБУРЖЬЯ

Скопинцева Т.Ю., канд. филос. наук, доцент
Оренбургский государственный университет

Проблема культуры региона в значимой степени определяются выражением её этничности. Вне этничности не складывается органика институализации культуры, а отсутствие должного уровня такого институирования существенно трансформирует культуру в целом, лишает её жизнеспособности. Современный мир не предполагает закрытости и провоцирует варианты трансляции любого культурного образования за его пределы. Каждая региональная форма культуры имеет этнокультурный «тон» (что существенно влияет на её развитие и трансляцию вовне, «перенос» культурной формы за границу породившего её культурного образования). Региональная специфика с одной стороны специфична, с другой связана с универсальным, общекультурным содержанием системы. Такая связь порождает и поиски собственной идентичности и мощную тягу в мир, в его техногенную, хорошо организованную и упакованную культурную *капсулу*.

Наиболее значимые знаки и смыслы этнических традиций народа сохраняются и раскрываются в народных формах. Самочувствие народной традиции нельзя скрыть или умолчать. Она проявляется в оценках обывателей и анализе и профессионалов. Оценки выдают состояние культурной формы в едком словце, анекдоте, язвительном художественном тексте. Слабость традиционных элементов в пространстве культуры (отсутствие бытующих в повседневности народных форм) говорит о деструкции этнокультурного ядра, об изменении ведущих, ядерных его компонентов. Механизмы народной культуры сохраняются в менталитете, архаичные структуры — в мифологизированных формах повседневности и праздника. Разрушение пространства повседневности или праздничной традиции народа выдает состояние народной культуры в целом. Для Оренбургского региона характерна этнокультурная многоголосица. Специфика праздничности региона — это симбиоз разных компонентов этничности, современности, обыденной, расхожей режиссуры, и творчества жителей, включающихся в повседневную организацию и праздничное действо. Современная культура, в отличие от традиционной её формы, не опирается на народный праздничный календарь, который для крестьянина основывался на земледельческом цикле, а для кочевых народов строится на ритме жизни в степном пространстве. Народная традиция всегда связывалась с природностью организации жизни человека и общества. И быт и праздник зависел от сезона, географии, этноландшафтного равновесия, взаимодействия с иноплеменниками¹. Время и место организации повседневности или народного праздника в этнокультуре традиционно строго обозначено. В культурном пространства роль и место каж-

¹ Анализ такой зависимости хорошо показан в работе Л.Н. Гумилева, см.: Гумилев Л.Н. Хунну в Китае — <http://www.gumilevica.kulichki.net>

дого элемента организуется в соответствие с его оценками в системе. Оценки оформляются и в субъективном, закрытом этническом пространстве и в объективности социальных институций. Внешний контур таких оценок имеет возможность минимизировать или сделать доминантными знаки и смыслы определенной этно-формы. Многообразная российская этнокультурная традиция задана в двух парадигмах: на уровне где этнодоминирование поддерживается внешне (государственными структурами) и в *коконах* закрытых от внешнего вторжения мирах повседневности. Обе структуры работают в поле декларации равенства задаваемой государством. В некоторых случаях доминантную форму высказывания получает этнокультура, обозначенная в титуле этнопространства. Это не зависит от культурного запроса народов проживающих на территории, и задается административно. В случае, когда этническая форма не получает общественно одобренного высказывания формируются иные формы её проявления². Такой перекося не может не получить экстремального выражения на культурной периферии – в рамках «русского» взрыва в Крыму или ином виде. Думаю, что крымский текст в современной российской культуре имеет такое мощное звучание по этой причине³. Культура славянских народов Оренбуржья это доминирующая культура нашего региона. По составу населения, культура русских и украинцев представлена в результатах переписи 2002 г. (русских – 73,9%; украинцев 3,5% от общей численности населения Оренбуржья). Белорусы (0,4%) и поляки (803 чел.) достраивают картину. Народная культура славян Оренбуржья связана с православием.

Исследователи православной формы культуры отмечают родство текстов православия и форм народного верования погруженных в глубины язычества. В.В. Иванов и В.Н. Топоров выделял специфику преемственности языческих форм. Они выстраивают систему, с устаревшими языческими образами, дополненными более современными, актуализированными мифологическими элементами. Отжившие формы опускаются на сниженные уровни бытования, их место занимают новые. Этот процесс отмечен в работах Б.А. Рыбакова в исследовании славянского и русского язычества. Так культ «Упырей и Берегинь» сменяется культом «Рода и Рожениц», а затем на первый план выходят культы Перуна, Велеса, Мокоши и др. божеств славянского и русского пантеона. Особенность этой динамики в том, что отжившие формы не умирают, а остаются на латентном уровне и в нужный момент могут быть актуализированы. Вновь сложившиеся формы дополняют архаику и бытуют в сложном сочетании старого и нового, традиционного и продиктованного новацией⁴. Современные

²Так в Оренбургском регионе в прошедшие годы я не могу назвать ни одного праздника русской культуры — праздник Петра и Февроньи, обозначенный как «праздник русской культуры», не соответствует задачам популяризации русской культуры, при наличии праздников башкирской, татарской, чувашской культур. Это не обеспечивает полноту звучания русской традиции, в то время как чувашский, казахский, башкирский народы Оренбуржья имели возможность этнокультурного единения в рамках соответствующих названию и содержанию праздничных форм на больших городских и областных площадках.

³ Особого разговора заслуживает система взаимодействия русской украинской культуры, но это тема отдельного разговора.

⁴Мощная идея «Русского мира» — это ответ культуры на стагнацию русской народной традиции, который дан был не в центре России а на периферии.

формы также не утрачивают связь с древними пластами культуры и архаика проявляется в ментальных характеристиках, в отношении к власти или в структурах повседневности в воссозданном язычестве – так вошли в нашу повседневность малые демоны: Дед Мороз, Хозяйка медной горы, духи гор и недр (Белый альпинист и Белый спелеолог). Процесс взаимодействия с архаикой необходим, обязателен, он поддерживается и бытовой и праздничной культурой и служит сохранению самобытности народа. Г. П. Федотов в своем исследовании народной культуры высказывает мысль о том, что обогащение смыслов христианского праздника народными обрядами, обычаями свидетельствует о вере и богатстве духовной жизни народа, что в народной культуре живут богословские интуиции народа, его моральный кодекс⁵. Оскудение народной культуры сопровождается разрушением самой культурной формы.

Современная положение славянского типа культуры и русской культуры в частности усложняется в связи с тем, что народный тип культуры не тождественен православной форме и не «сливается» с ней (как это происходит в исламской традиции которая выступает в роли универсализующего начала для разных этнокультур). Православная составляющая культуры славянского мира не стала интегрирующим фактором. Взаимодействие народной и православной ветвей культуры это бинар (двоеверие, диглоссия). В таком взаимодействии обе ветви и противодействуют друг другу и образуют непротиворечивое целое. Такая природа характеризовала русскую и украинскую культуру. Она сохраняла подобное своеобразие до начала XX века, а в некоторых случаях до 60 годов XX века. Ситуация стала ухудшаться с разукрупнением малых сел, когда локальные традиции русских стали утрачивать преемственность и разрушаться, одновременно породив молодежное движение фольклоризма, которое сегодня выступает как база сохранения живых народных форм. При сохранении существующей специфики каждого народа ситуация сработала на разрушение русской специфики и тех механизмов внутри этой формы, которые обеспечивали общерусское единство.

Особенности взаимодействия православной и народной традиций в Оренбуржье проявляются с одной стороны, в четком разделении сфер народного и православного праздника в рамках единого праздничного пространства, с другой, в сохранении этнических знаков и смыслов. В народной культуре русского и украинского народов православные и народные праздники всегда составляли некий симбиоз, две линии, два языка высказывания. Обе составляющих имели сельскую природу. Православная традиция, как правило, полностью отрицала языческую составляющую народного праздничного действия и, одновременно, вбирала в себя народные элементы. В значительной части высечь языческие компоненты удалось в общинной традиции: в сельскохозяйственном цикле языческие элементы культуры сохранились очень слабо, но есть исключения. Такой случай мы наблюдали в Бузулукском р-не, когда начале 2000гг. языческое

⁵О бинарности народного мировоззрения говорят исследования мифологических воззрений народа В.Проппом, К.Леви-Строссом, Л.Карсавиным, И.Кондаковым и др.

действие активизировалось в засуху и женщины выходили в поле с духовными стихами которые заменяли утраченные, но когда-то бытовавшие там, заговоры⁶.

Примером формирования непротиворечивой бинарной природы праздника стала интеграция народной и христианской составляющих в пасхальных обычаях. По языческому обряду, восходящему к славянской древности и построенному на культе предков во все праздники предполагалось обязательное посещение могил предков, а церковное празднование почти до конца XX века исключало обряды на кладбище. После долгого противостояния церкви и народной традиции обычай посещения могил в Пасху вошел в повседневную практику. На сегодняшний момент церковь приняла эту форму⁷. Ходульный пример бинарности народной формы культуры – празднование масленицы. Масленица – это два не соединяющихся и противоречащих друг другу пласта праздника. С одной стороны церковное обрядовое действие, в котором пост уже вступает в свои права и пример тому – отказ от мясной пищи и молитвенный переход в состояние очищение. С другой стороны – народная сторона праздника, древнее новогодье, «разгулы бесовские» (по определению русского митрополита XVI века). Определенная уступка христианской традиции все-же произошла – празднование масленицы сократилось с двух недель до одной, но вся языческая основа практика – с огнями, обрядами с водой, объеданием и питьем без меры, ряженьем, розыгрышами и представлениями – сохранена.

Примеров сосуществования бинарной, языческой и православной структуры праздника мы наблюдали в праздновании Покрова в с. Никольское Оренбургского р-на, где ритм традиционного хоровода сохранился в церковных распевках. Можно отметить сохраненные праздничные шествия как часть современной праздничной традиции еще живой и в памяти народа в начале XXI в.. Таковы традиционные шествия, сопровождавшиеся красочными ряженьем в с. Русский Кандыз Северного р-на Оренбургской области («ширманки»⁸); «хождение с венком» в Курманаевке (Шулаевский конец села, а когда-то село Шулаевка) Курманаевского р-на Оренбургской области; «похороны бабушки» на Благовещенье в с. Алексеевка Сорочинского р-на и т.д.. Природа традиционной народной культуры устойчиво сохраняла насыщенные этничностью знаки и смыслы и хорошо ориентировалась в содержании собственной и соседних культурных традициях.

Основу современной народной культуры славянских народов Оренбуржья составляет цикл семейно-бытовых праздников и обрядов и сохранившиеся элементы традиционного земледельческого цикла. Общие принципы функционирования календарных и семейно-бытовых традиций у русских и

⁶ О жесткой и мощной практике высечения язычества в начале XX века писал Д.Зеленин в первом томе своей работы по русской духовной культуре. Один из его примеров взят из русской дореволюционной прессы. Публицистический рассказ повествует о том, как за исполнение традиционного обряда «ссыпчины, складчины» на «кузьминки»⁶ (с целью поблагодарить Матушке – Богородицу за благополучные роды⁶) организатора сборища — старостиху высекли и посадили в острог, а всех участниц пытали о содержании сборища и «примерно» наказали. Такая практика взаимодействия традиции и новации была обычной.

⁷ Сегодня в Пасху посещение кладбища не только не встречает сопротивления церкви, но и пользуется поддержкой власти: ряды автобусов специально направляются в этот день на кладбище.

⁸ Хороводные шествия с ряжеными

украинцев построены на четком ощущении своей причастности к земле, локальному культурному пространству. На всей территории России исторически, до XX века отсутствовало единое сознание культуры, его унифицированной формы. Житель русского села четко ощущал единение «со своими», соседями и близкими представляющими локальный мир «его культуры»: курскую, тамбовскую или харьковскую специфику. Отсутствие унифицированного «национализующего» единства на бытовом уровне позволяло ощущать себя «курскими», «тамбовскими», «полтавскими» или «харьковскими» представителями. Мозаичность культурного мира дополнялась симбиотичностью, возможностью сохранения самобытности на уровне повседневности. Эта мозаичность и симбиотичность (слиянность-неслиянность) культурного мира позволяло русской крестьянке четко выделять себя в пространстве Оренбуржья: «Были – бы русские, а то куряне!» – говорили о себе женщины села Черновка Северного района, основанного курскими переселенцами в XIX столетии. Хорошо сохранившуюся прекрасную курскую песенную традицию этого села, можно было записать еще на рубеже XX-XXI веков.

Знаки локальности (региональности) традиционной культуры русских и украинцев раскрывались в народной одежде сохраняемой и изготовляемой кустарным образом вплоть до 50-х годов XX века. Жители сел Петровка и Ильинка Октябрьского р-на, (украинцы) рассказывая о летних гуляньях молодежи, четко выделяют этническую составляющую: «Смотри, наши, с «московками» стоят!» Наши – это парни из украинского села, которые узнавались по одежде издали. Из белой самотканины была изготовлена одежда украинских парней, тогда как в русских селах рубахи и штаны шились из окрашенного и покупного материала. (Одежда девушек различалась в меньшей степени).

Сельчане опирались на знаковую природу культуры (на различия), выделявшие одежду русских или украинцев, девушек и женщин и так же четко различали ход и структуру обрядов. На начало XXI века локальность как характеристика культуры на общероссийском пространстве, проявлялась в разнообразии форм как внутри русской культуры, так и в её пограничье – в малорусских (украинских) территориях. Различия в костюме и обряде в воронежской и курской деревнях были такими же явными и яркими, как и различия в одежде и обряде полтавских и рязанских крестьян.

Симбиотичность и локальность не мешала межкультурным бракам и непротиворечивому соединению культур, хотя такое соединение (слияние) могло трактоваться в знаках и смыслах доминирующей (своей) культуры. Так культура украинского по основному составу села Буланово Октябрьского р-на Оренбургской области образованного курскими переселенцами во всех описаниях ссылалась на свою локальность: «Булановцы жили изолировано. С «москалями» не водились» – так пишет дореволюционный историограф в начале XX века. Однако в моих экспедиционных записях есть рассказ Калмыковой Р.А., руководителя фольклорного ансамбля с. Буланово. Она вспомнила что в 30-40-е годы XX века (времена ее детства), за воротами вечерами всегда сидели старухи в черных сарафанах. Сарафаны носили русские женщины, и это говорит о

том, что культура не была изолированной. Русские и украинцы жили вместе, скорее всего и из Курской губернии они переселялись вместе. Русские и украинцы входили в состав больших семей, и не теряя своих примет до старости.

В начале прошлого века, одновременно с четким осмыслением различия культур, русская культура могла непротиворечиво «сосуществовать» внутри украинской семьи,⁹ так как на общероссийском пространстве и мозаичность и локальность культурных форм были общим принципом существования культурной формы. В разговоре о народной традиции и традиционной культуре нельзя не отметить народные формы, складывающиеся в городской среде. Для русского города (бурга без бюргеров)¹⁰ характерной чертой является мощное присутствие сельских традиций. Новая форма городской народной культуры стала складываться на волне хрущевской оттепели. Шестидесятые-восьмидесятые годы это время оформления народной субкультуры советского типа (более связанной не с селом, а с малым российским городом). Пространством этой культуры становились места встреч неформальных групп молодежи, комнаты и кухни городских квартир или общежитий, подъезды домов, городские дворы и скверы, пляжи и лагеря, стоянки альпинистов, туристов, геологических партий, стройотрядов и т.д. В отличие от консервативности сельских народных форм основанных на традиционности пронизанной этничностью, эти формы были русскоязычными, но легко вбирали инокультурные заимствования и складывали в удобные для межкультурного общения «расхожие» структуры. На эти формы накладывался след радио, телевидения, кино. Она активно взаимодействовала с «низовой» эстрадной и повседневной, *сниженной* культурой. Этнические приметы при этом микшировались. Этот новый тип входил в городское застолье, заменял традиционные сельские обычаи. Закрепляясь в народной городской культуре советского типа, он завоевывал сельский культурный мир, заявляла себя в нем. Новые тексты насыщались новыми обобщенными понятиями: ресторан, бар, тюрьма, камера, больница, улица, переулок, площадь, вокзал...

Специфика городской народной традиции проступает в городском фольклоре и постфольклоре где новые народные тексты выделяются и по происхождению и по форме. Традиционные образы в них упоминаются редко, герои повествований рождаются и живут в городе и темы города играют главную роль в развитии их сюжета¹¹. С этого времени сельская культура русских и украинцев стала «размываться» новыми городскими формами.

Особая линия становления народной культуры в Оренбуржье – культура Оренбургского казачества. Общий традиционный принцип казачьей культуры – объединение на основах приверженности вере христианской и вольному житию (вера + воля). Главным действием новообращенца при вступлении в войско было желание жить в вольном казачестве и признание своей принадлежности к

⁹ Указание на «украинские» корни уместно только в сегодняшней интерпретации – для начала века это были признаки локальных культур – курской, и полтавской составляющей основу населения булановцев.

¹⁰ Определение Н.Н. Козловой

¹¹ Такие тексты хорошо раскрыты в популярной телепередаче «В нашу гавань заходили корабли».

христианству (православию)¹². Специфика Оренбургского казачьего войска не следовала этому правилу – и вольное расселение и христианство как принцип объединения соблюдались «не жестко», нарушались. Силовыми принципами организовывалось переселение в Оренбургское войско. Так станица Рассыпная Оренбургского казачьего войска организовывалась из числа «донцов» сосланных на оренбургские земли после отказа переселиться на Кавказ¹³. Однако, русское население и православие в Оренбургском казачьем войске занимала доминирующее положение. На момент заселения Оренбуржья 90% в войске – русские, православные. На характере оренбургского казачества сказались и нарушения второго принципа казачьей культуры – неволя, насилие. Подчинение неволе хорошо отражено в традиционной народной и казачьей песне. Мотив насилия и страдания – ведущий и в народной и в казачьей песне. «Ах зачем нас берут во казаки», «Плачут матери и жены/ плачут деды и отцы/ И куда нас посылают/ ребятушек молодцов»¹⁴, и т.п.

Насилие как фактор существования порождало особую ментальность. С одной стороны – злость и отчаянье, с другой бесшабашность, презрение к смерти и нежелание основательно закрепляться на земле. Казачья традиция на оренбургской земле представлена в основном русской народной традицией и в ней отражен весь календарно-обрядовый и семейно-бытовой цикл свойственный крестьянской традиции. Особое служилое положение казачества породило дистанцию между казаками и крестьянами (мужиками). Принцип их сосуществования не имел противоречий, был сходен с тем, что складывалось во взаимодействии крестьянских сел. Специфика казачьей культуры выражалась в особенностях организации быта (включающего сборы, ожидания, длительные отъезды на службу), и в более приближенных к городскому типу предметах быта и одежде. Исследование менталитета Оренбургского казачества Оренбургским историко-краеведческим музеем совместно с историческим отделом музея этнографии г.СПб в 2007г. (руководитель – д.и.н. зав. ист. отделом музея И. И. Шангина) выявляет особую русскую специфику казачьей культуры. В одной из анкет дан показательный в этом отношении ответ на вопрос об этнокультурном самоопределении: «Я татарин, но русский казак». Особое культурное образование в оренбургском казачестве представляли крестьяне приписанные к Оренбургскому казачьему войску в связи с организацией «Новой Линии». В число этих сел попали Дедуровка с украинским населением, Никольское в котором жили русские крестьяне, и с. Краснохолм (в котором жили и русские и украинцы), а так же ряд других сел. В некоторых населенных пунктах жители приняли новый статус добровольно – он освобождал их от тягот соляного извоза; но да-

¹²Это изучал и хорошо описал Н.Гоголь – историк, Н.В.Гоголь был хорошим историком.

¹³ Каждому десятому бунтовщику рубили нос и уши и отправляли в Сибирь, остальных с семьями на поселение в Оренбургское войско.

¹⁴Записана в с. Григорьевка Соль-Илецкого р-на Оренбургской области от семьи Кутыревых Рукавицыной О.И., рассказывает о переселении оренбургских казаков на Дальний Восток

же там где переход в казачество встретил сопротивление крестьян, в конечном итоге крестьяне сменили сословие¹⁵.

Все характеристики народной традиции и традиционной культуры славянских народов Оренбуржья сформировали некий общий принцип своего бытования который начал разрушаться в постперестроечный период. При наличии определенного полевого материала для глубоких выводов его явно недостаточно. Более детальное исследование данной проблемы требует дополнительной тщательной полевой работы.

Список литературы

1. Петров М.К. *Избранные статьи по теоретической и прикладной регионалистике* / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 15. Ростов на Дону, 2003., С. 25-32

2. Скопинцева, Т. Ю. *Народная традиция в региональных проектах [Электронный ресурс]* / Скопинцева Т. Ю. // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф., 29-31 янв. 2014 г., Оренбург / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования "Оренбург. гос. ун-т". - Оренбург, 2014. - . - С. 2409-2416.

3. Смирнова, Н.М. *Ценностно-смысловая ориентация в методологии социокультурного анализа* // История методологии социального познания. Конец XIX — XX век / под ред. В.Б. Власовой./ Н.М. Смирнова - М.: ИФ РАН, 2001. - 248 с.

¹⁵ Это выразилось в знаках одежды – цвет оренбургского казачества (голубой) появился на одежде женщин: Костенко Роза Петровна (с. Краснохолм) рассказала, что на юбку женской «парочки» женщины стали нашивать «синюю кубовую» полосу в палец толщиной и ниже черную кружевную полосу в ладонь шириной.